
Н. М. УРМАНЦЕВ

СВОБОДА ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА: АСПЕКТЫ САМООРГАНИЗАЦИИ

Противопоставление природы и общества не отвечает современным тенденциям развития человека, поскольку и природа, и культура основываются на едином начале, а различные ветви универсальной эволюции взаимосвязаны гораздо теснее и в генезисе, и структурно, нежели просто схожими принципами. Идеи и принципы теории самоорганизации во многом определяют облик научной и мировоззренческой картины мира, и поэтому они служат основой новых философских изысканий. Пока еще трудно утверждать, что парадигма самоорганизации будет началом новой научной революции, но ее достижения, несомненно, имеют право на применение в анализе актуальных научных и философских проблем.

Синергетический подход применяется к исследованию самых разных явлений природы и мира культуры. «Наша судьба и история мира пишется одной рукой» – это выражение из «Алхимика» П. Коэлья наглядно передает предмет синергетики, которая выступает в разных модификациях.

Синергетические представления возникли в лоне естественно-научных моделей устройства мира, и они формулируются посредством понятийного аппарата точных наук; и здесь возникает принципиальный вопрос: применима ли синергетика для анализа извечной философской проблемы свободы человека, приложима ли она к процессам его культурно-исторического становления как существа свободного и творческого? Можно в таком подходе усмотреть возрождение редукционизма, сведение трудноуловимой сущности человека к универсальным естественно-научным схемам. Тем не менее «корректное осуществление синтагматического переноса концептуально-понятийного аппарата синергетики из физико-математических наук в общественные – дело трудное, но совер-

шенно необходимое»¹, поскольку это становится действенным фактором сближения естествознания и человекознания и позволяет нащупать основу для построения универсальной эволюционной картины мира. При этом, по нашему мнению, присущий классической науке редукционизм при интерпретации эволюционно высших форм взаимодействия отчасти компенсируется противоположной тенденцией: низшие формы взаимодействия рассматриваются с точки зрения их эволюционного возвышения. Такой подход смягчает противопоставление парадигм причинной и целевой детерминации, субъектного и объектного подходов, что, в свою очередь, инициирует формирование постдисциплинарной стадии развития науки.

В условиях таких познавательных установок человек становится центральным элементом научной картины мира, стягивающим воедино многообразные потенции универсума, а не остается, как ранее, на периферии конфигурации мироздания неким малопонятным и случайным фактором и даже, по выражению И. Пригожина, «своего рода “ошибкой”»². Напротив, постнеклассическая наука, пронизанная идеей самоорганизации, принимает факт существования человека как наиболее достоверный и исходит из него для построения универсальной теории.

На философском уровне синергетического знания идеи самоорганизации дают возможность войти в смысловую область предельных оснований человеческого бытия, его онтологических предпосылок. Одними из главных принципов синергетики являются принципы становления и свободы³, в свою очередь являющиеся стержневыми темами философии на протяжении всей ее истории. Синергетическое знание достигает высшего уровня обобщения в форме философии, что отмечается в ряде работ специалистов, работающих в этой области. Принцип свободы и идея присутствия субъекта в картине становления составляют в этих работах одно из расширений синергетической парадигмы и дают возможность и

¹ Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 239 с.

² Аршинов, В., Буданов, В., Суханов, А. Естественнонаучное образование гуманитариев на пути к единой культуре // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 3. – С. 87–95.

³ Аршинов, В. И., Войцехович, В. Э. Синергетическое знание: между сетью и принципами // *Синергетическая парадигма*. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – С. 107–120.

право использования ее методологических и мировоззренческих посылок для анализа проблемы свободы человека в контексте действия универсальных механизмов самоорганизации и выявления особенностей направленной самоорганизации бытия человека, осуществляющейся через фундаментальную его способность – способность выбирать.

С нашей точки зрения, актуальной на сегодня является установка не на перестраивание человеком мира, а на встраивание его в самоорганизующееся и самоупорядочивающееся мироздание, к чему и призывает синергетика в своих, по сути, философских поисках универсальных, «общих для мира духа и мира материи закономерностей упорядочения как ориентиров для индивидуального и общественного бытия современного человека»⁴. Понятно, что здесь теория самоорганизации выходит на уровень философской рефлексии, пытаясь выявить глубинные источники гармонии, целесообразности мироздания, заключенной в ней творческой потенции, так ярко проявляющейся в свободе человека.

Необратимость эволюции делает нас теми, кем мы являемся, – итогом ряда многочисленных бифуркаций. Если признать отсутствие «божественной точки зрения», то выбор полностью лежит на человеке – такой универсум его бытия весьма отличен от классического образа мира, но он легко соотносим с современной физикой и космологией и новой рациональностью с ее идеями нестабильности и неопределенности будущего. «На что способно человечество, не может быть никакой определенности – поскольку, в конечном счете, все зависит от его свободной воли»⁵. Эти идеи ставят под сомнение претензии на полный контроль над какой-либо сферой реальности, делают утопическими любые возможные мечтания об абсолютно контролируемом обществе и управляемом человеке. Реальность вообще не контролируема в смысле, который был провозглашен прежней наукой, опиравшейся на традиционное линейное мышление, на безапелляционную универсальность и однозначность причинно-следственных связей.

О значении синергетики в формировании нового стиля мышления неоднократно говорится в научной и философской литературе.

⁴ Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации. – СПб.: Лань, 1999. – 480 с.

⁵ Кисилев, Г. С. Свобода и эволюция // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 3–15.

С нашей точки зрения, нелинейное мышление более адекватно логике движения неравновесного универсума, оно несет в себе интенциональную неопределенность, предостерегающую от односторонних, категорических суждений, так милых формальной логике, от линейных ассоциаций и выводов, усматривая условность и неполноту рассуждений, построенных на однозначности причинно-следственных связей и предполагающих возможность единственных решений при малозначимости случайных воздействий и факторов. Между тем человек постоянно является участником уникальных, не повторяющихся событий и явлений вне жестких причинно-следственных связей. Так, принципиально непреодолимое несовершенство правовых отношений заключается в том, что юридические законы не в состоянии охватить, учесть бесконечное разнообразие жизненных ситуаций человека, поэтому, обедняя и выхолащивая индивидуальное, они стремятся подвести их к единым, обезличивающим нормам.

Традиционному мышлению свойственно обнаруживать свободу там, где есть человек, с его сознанием, духовностью, волей, практичностью и нравственностью, что неизмеримо возвышает человека, делает его господином мира. При таком подходе источники свободы обнаруживаются в самом человеке, в его внутренней природе и способе организации, но вне поля зрения остаются важные аспекты системного характера свободы, возможность ее существования только во взаимосвязи человека и универсума, на условиях органичного включения первого во второй. Проблема поиска онтологических оснований свободы находит в синергетике новые мотивы и указывает на нерасторжимую связь человеческих проявлений с окружающей средой, на системные качества свободы. Одно из них заключается в том, что деятельность человека имеет характер свободной активности и является источником неустойчивости системы, включающей эту активность. Неустойчивость, ослабляя наличные связи, увеличивает степени независимости, тем самым создает благоприятные условия для активизации поиска человеком различных вариантов выбора. Состояния неустойчивости вызывают ослабление имеющихся связей, в результате чего система чутко реагирует даже на малейшие возмущения, предоставляя человеку добиваться цели с меньшими затратами различных ресурсов. Тем самым состояния неустойчивости порождают большую готовность системы к инновациям, в которой иницируются как процессы

внутренней активности, так и возможности успешных внешних воздействий. С этой точки зрения процессы самоорганизации с участием человека, да и в самом человеке обретают творческие импульсы как ответ на состояние неустойчивости, некоторой неопределенности его жизненных и ценностных установок. Вспомним высказывание Ф. Ницше: «Надо носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду»⁶. В общеэволюционном плане человек своим бытием ослабляет природные, необходимые связи, всеобщую детерминированность процессов, вторгается в них. С одной стороны, здесь реализуется его свобода, с другой – увы, порождаются серьезные цивилизационные проблемы.

Какое место занимает человек в формировании порядка в цепи эволюционных процессов – как составляющая универсума, которая возникла на путях его самоорганизации, как высшая форма самопознания и творчества? Н. Н. Моисеев пишет: «Пусть в ничтожной части универсума, но уже создаются принципиальные возможности качественно иных механизмов самоорганизации, отличных от тех, которые до сих пор определяли его развитие. Этот факт принципиального изменения характера эволюции имеет огромное мировоззренческое значение»⁷. Самоорганизующийся универсум, лишенный стабильности, но не целостности и единства, естественным образом испытывает один из своих вариантов – человеческий, который не может быть дуальной реальностью двух противоборствующих тенденций. «Наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров, что, вероятно, является одним из важнейших культурных событий нашего времени», – замечает И. Пригожин⁸.

Самоорганизация универсума не может являться чем-то внешним по отношению к человеку. Человек находится в ее русле, реализует высшие формы самоорганизации, является их проводником, сам во многом определяет эти формы. Для него отсутствуют жесткие ограничения, перед ним открыто множество путей, отвечающих его истинной природе стать подлинно свободным существом. И свобода в универсуме может возрастать через свободу человека.

⁶ Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. – СПб.: Азбука, 2002. – С. 50.

⁷ Моисеев, Н. Н. Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. – С. 77–87.

⁸ Пригожин, И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–57.

Свобода порождает большую свободу (М. К. Мамардашвили), и в этом выражается смысл становления человека, его универсальной целесообразности. В таком понимании человек есть вектор универсальной эволюции, самоорганизующие механизмы которой готовы поддержать релевантные устремления *Homo sapiens*. «В выходе за пределы прежних жестких рамок в самопревращении природных процессов заключена радость жизни. Во взаимосвязи с другими процессами в ходе всеобщей эволюции есть смысл, смысл жизни. Мы не являемся беспомощными объектами эволюции. Мы и есть сама эволюция?» – пишет Э. Янч⁹. Заметим, что необходимая включенность человека и его жизнедеятельности в универсальный мировой процесс вовсе не означает фатализма. С точки зрения зыбкого положения человека в контексте современных цивилизационных проблем слова Спинозы: «Я считаю непозволительным для себя смеяться над природой, а еще менее позволительным оплакивать ее... люди только суть часть природы... Я считаю человеческое тело частью Вселенной. Что касается человеческой души, то и ее я тоже считаю частью Вселенной...»¹⁰, – приобретают иной смысл. Единство универсума и человека заставляют последнего следовать общим тенденциям самоорганизации и помнить, что он выступает здесь в качестве особой свободной беспрецедентной силы, способной направлять ее энергию в соответствии с принципами свободы, творчества и блага, доказывая тем самым обоснованность разумной самоорганизации в лице человека.

Не теряя метафизического пафоса, свобода все больше становится онтологическим фактором, высвечивая внутренние интенции самоорганизации, поэтому свободу человека надо сопрягать не только с особым его положением в иерархии природы, где ему традиционно отводятся верхние этажи, но и с необходимостью следовать общему порядку природы, согласно законам самоорганизации и той роли, исполнение которой человеком ожидается универсумом, как одного из вариантов эволюции творческого разума. Когда мы экспериментируем с природой, нельзя забывать, что, возможно, в этот момент мы сами являемся невольными участниками естественного глобального эксперимента. Свобода более основательна,

⁹ Янч, Э. Самоорганизующаяся Вселенная. Введение и обзор: рождение парадигмы из метафлуктуации // Общественные науки и современность. – 1991. – № 1. – С. 143–158.

¹⁰ Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. – М.: Гаиз, 1935. – С. 35.

чем целесообразная сознательная деятельность человека, онтологически ее предпосылки содержатся в самоорганизации универсума. Свобода укоренена в самостановлении мира, и человеческая деятельность есть одна из потенциальных возможностей ее осуществления. «Почему мы не становимся более чувствительны к наличию чего-то более великого, чем мы сами, развивающегося внутри нас?» – задавал вопрос Тейяр де Шарден¹¹, призывая обратить внимание на универсальные возможности человека в системе мироздания.

Человек обладает способностью к разумной самоорганизации, но разум человеческий, не сориентированный на высшие ценности, имеет и теневую сторону, поэтому эта способность дана человеку не как имманентное свойство, а как потенция, которая может осуществиться, а может – и нет. С синергетической точки зрения будущее человека никак не предзадано. В грандиозном котле мировой самоорганизации человек и его сообщество – всего лишь одно из проявлений ее множества векторов с немалой вероятностью типикового финала. Идет проверка эффективности разумной самоорганизации в лице человека: способна ли она утвердиться как высшая форма мирового становления в бесконечно многообразных лабиринтах развития, как генератор смыслов и приложений человеческого духа; но здесь человек должен следовать общим тенденциям самоорганизации в качестве особой свободной силы, целенаправленно реализуя энергию, таящуюся в универсуме возможностей, освобождая и направляя слепую энергию в целесообразную деятельность. Но усилия «вольнотпущенника» природы правомочны и оправданы в той мере, в какой они отвечают общему ходу вещей, не переступают опасную грань оптимального соотношения хаоса и порядка, за которой начинается необратимая деградация.

Случайность и неопределенность лежат в основе природы вещей, они могут порождаться нашим незнанием прошлого, специальной структурой детерминированных алгоритмов и многими другими факторами. Но случайность и неопределенность могут быть и существенными признаками мироустройства. А детерминированность появляется как некоторый акт усреднения при переходе от микроописания к макроописанию. Об этом говорит принцип неопределенности Гейзенберга, который не позволяет с достаточной точностью фиксировать и положение частицы, и ее импульс. И не-

¹¹ Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. – М.: Наука, 1965. – С. 233.

определенность, и стохастичность пронизывают все мироздание, включая человека. Вспомним, например, что интенсивность мутагенеза зависит от температуры, которая в конечном итоге определяет уровень хаоса, порожденного энергией случайного блуждания молекул. Следствием действия случайности – подчеркнем это – является некоторая принципиальная неопределенность хода событий и процессов, а, значит, неопределенность представляет фундаментальные начала мира, его устройства и развития: неустойчивость, изменчивость, спонтанность (непредсказуемость будущего, невыводимость полностью достоверного знания из ранее известного), порождаемость нового.

Случайность и неопределенность в полной мере проявляются в переломные моменты жизни человека и общества, когда они находятся в ситуации, удаленной от точки равновесия. Бесцельных случайностей в мире нет – все они включаются в механизмы самоорганизации: случайность фундаментальна, благодаря ей события имеют такой строй, который обеспечивает поиск, пробу и отбор возможных вариантов разрешения ситуации, в которых человек должен выступать не как сторонняя, довлеющая сила, а как внутренняя, органично сочетающаяся с остальными элементами часть целого, наделенного возможностью целенаправленного привнесения в развитие систем тех самых флуктуаций, которые отвечают его намерениям, правда далеко не всегда удачным.

С позиций синергетики неопределенность в целеполагании и ценностных установках человека возрастает по мере усложнения его жизненной ситуации, там, где возникает необходимость выбора. Этот выбор подчас мучителен и сопровождается взвешиванием разнообразных, часто взаимоисключающих вариантов. Человек в состоянии нерешительности находится как бы во многих возможных состояниях одновременно, многие из которых им даже могут и не осознаваться. Чем больше возможных вариантов выбора, тем большей неопределенностью и непредсказуемостью характеризуется будущее вообще, тем большей свободой полагания обладает человек. Тем самым происходит усиление степени проблематичности бытия человека, вытекающей из его фундаментальной особенности – из неопределенности его природы, отсутствия специализации и программируемости человека. Отсюда и постоянный веер возможностей (человек – имманентная «точка бифуркации»), постоянное о-пределение (наделение пределом), означивание и выбор.

А человек с его непредсказуемыми эмоциями, невероятным разнообразием вариантов поведения в одних и тех же условиях? Ведь это проявление одного и того же начала – стохастичности и неопределенности, свойственных природе. А. П. Назаретян выдвигает идею о провоцировании неустойчивости как имманентном свойстве поведения¹², имеющей, на наш взгляд, фундаментальное значение в перманентном становлении, но в разной степени подходит, одно дело, к отдельному человеку и совсем другое – к социальным системам. Оптимальное, по мнению Е. А. Седова, соотношение порядка и дезорганизации (у него – 4 : 1) позволяет и системе, и ее отдельным элементам (индивидуумам) чувствовать себя наиболее комфортно и стабильно в состоянии предельной близости к идеалу¹³. Но путь к нему – не прямолинейное, однозначно детерминированное движение: в связи с воздействием на систему многочисленных и разнообразных факторов сам идеал подвижен, «неравновесен», но он всегда есть. Он выступает как причина структурирования сложных объектов и, в конце концов, как причина наступления кризиса и наступления хаоса. Этот «парадокс» – появление объективного планетарного закона развития всего живого на Земле: порядок через хаос, организация через дезорганизацию, жизнь через смерть. Неустойчивость, неопределенность, однако, имеет, как и все в этом мире, свою меру, нарушение которой опасно и деструктивно.

Что обуславливает неравновесность человека как объективно, так и субъективно в системе взаимосвязей с окружающей средой? В объективном положении и ходе вещей это определяется особым статусом человека, не просто следующего физическим или биологическим законам, но и в его постоянных попытках превзойти их, повернуть эти законы в свою сторону, привнести в окружающую действительность свое человеческое качество и утвердить его. Деятельность человека, выходящая за рамки природных алгоритмов, является мощным источником неравновесности, и субъективно ее питает также человеческое беспокойство как внутренний источник неравновесности, не позволяющий человеку замкнуться в кругу достигнутого и тривиального. И прежде всего это беспокойство по поводу высших смыслов должно индивидуального и обществен-

¹² Назаретян, А. П. Указ. соч.

¹³ Седов, Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 5. – С. 92–100.

ного существования, неустранимо присутствующего в духовности человека и держащего его в состоянии перманентного выбора. Случайность и неопределенность, вторгающиеся в ход событий, в формирование образа будущего, делают мир и его познание чрезвычайно сложными, вносят в деятельность человека беспокойство и неуверенность, что отражает наличие свободы выбора, разнообразие и самоценность людей, их мировоззрений, смысложизненных установок. Излишняя невозмутимость и уверенность очень часто характеризуют ограниченность, недалекость, замкнутость человека внутри собственных границ.

Процесс самоопределения, самореализации человека, с нашей точки зрения, есть выбор им самого себя в единстве с конструируемой им же самой реальностью, осуществление той свободы, которая дает ему возможность гибко формировать себя, преодолевая линейность самоидентизации, консервирующие рамки определенности, чуждые тенденциям самоорганизации, нацеленной на преодоление существующих форм. Традиционно понималось, что индивидуальная свобода человека проявляется в его способности и возможности выбирать. Выбором наполнена его жизнь, выбором большим и малым, казалось бы не влияющим на судьбу, но сопровождающим человека на каждом шагу. Человек на протяжении своей жизни делает несколько решающих шагов, определяющих его бытие, последующие события и обстоятельства, которые и составляют узловые моменты его биографии. Часто выбор дается ценой максимального напряжения интеллектуальных и психических сил. Труднее всего дается нравственный выбор, ибо поступок человека непременно содержит этический аспект, составляющий ядро личности, саморазрушение которого по силе эмоционального переживания сопоставимо с самоубийством.

Свобода существует лишь там, где есть возможности изменения ситуации и самого себя. Открытая рациональность, которая ориентирована, по мнению Ю. В. Сачкова, «на выход за пределы фиксированной готовой системы исходных познавательных координат, за рамки жестких конструкций, ограниченных заданными предпосылками»¹⁴, чревата свободой: есть возможность осознания границ и их преодоления. Речь идет не только о внешних препят-

¹⁴ Сачков, Ю. В. Независимость в структуре бытия и познания // Свободная мысль. – 1995. – № 12. – С. 81–92.

ствиях, но о границах, обусловленных собственной субъективностью. Свободу как отсутствие внешнего препятствия можно обнаружить и у животных. Человеческая же свобода предполагает возможность разумного и морально оправданного выбора – выбора, устремленного к истине, к истинной сущности вещей. Иначе она оборачивается своей противоположностью – произволом и насилием, неизменно несущими на себе печать незамысловатого линейного мышления.

В философской литературе утвердился стереотип, что «правильный» выбор связан с его максимальной рационализацией. Следуя такой логике, можно прийти к выводу, что максимальной свободой обладает новейший суперкомпьютер, способный детально взвесить все факторы предстоящего выбора. Но когда речь идет о свободе человека, невозможно абстрагироваться от его переживаний, сопровождающих выбор, еще и потому, что свобода человеческого чувства наряду со свободомыслием является одной из самых существенных, непреходящих «человекообразующих» ценностей. И мысли, и чувства пребывают в человеке как неисчерпаемый источник становления его внутренней свободы, доступный тому, кто способен это ощутить и им воспользоваться.

Человеческий универсум пропитан чувствами и ценностными отношениями. Нелинейное мышление – чувствующее мышление, способное преобразовать естественное тепло Солнца не только в энергию технических устройств, но и в тепло человеческих отношений, поскольку ориентировано не только на знание-информацию, но и на знание-смысл, на постижение целостности бытия человека и природы. «Мы совершенно имманентно, через переживание и самооткровение убеждаемся в ее присутствии (жизни. – *Н. У.*), и лишь в этой форме она становится нам очевидной», – писал в связи с этим С. Л. Франк¹⁵.

Традиция не учитывала в должной мере внерациональную сторону человеческой природы, если и учитывала, то преимущественно косвенно, между тем свобода человека не ограничивается только рациональностью. В современной философской антропологии внерациональность рассматривается как неотъемлемая черта человеческого существа. Ограничение его только рациональной сферой существенно обедняет многоплановую натуру человека, его само-

¹⁵ Франк, С. Л. Крушение кумиров / С. Л. Франк // Соч. – М.: Правда, 1990. – С. 152.

бытность. Рациональность всегда эмоционально окрашена и сопровождается богатейшей палитрой переживаний, неисчерпаемыми нюансами чувств и чувствований. Самобытность человека и определяется в большей степени разнообразием чувств и их глубиной, нежели разнообразием и глубиной мысли.

Человеческой рациональности в чистом виде не существует и не может существовать без потери человеком в себе человеческого, неотделимого от его чувственности, которая уникальна, возможно, во всей вселенной. Противоречивость человеческой природы сказывается часто в плохой совместимости его рассудочной логики с его душевным строем и пристрастиями. Бытие человека эмоционально окрашено и заинтересовано, ибо человек не только живет, но и активно переживает свое бытие, выступая субъектом индивидуальных чувств, тех общественно ценных эмоций, без которых невозможно полноценное человеческое общежитие. Нельзя, как нам представляется, чисто рационально оправдать тот или иной выбор. Отсутствие собственного алиби в бытии не дает человеку конечных рациональных оснований для вполне определенного и оправданного выбора, сводящего тайну его бытия на нет. «Да, нужно иметь смелость смириться с тем, что эта тайна человека так никогда и не будет им рационально осмыслена»¹⁶. Успех деятельности может быть критерием рациональности в ее техническом понимании, тогда как свобода предполагает поиск смысла в метафизическом оправдании выбора, подключая в этом поиске и совесть, и чувство долга, и чувство ответственности, и всю многообразную и богатейшую палитру человеческих переживаний.

С этих позиций непредсказуемость человека в его стремлении изменить окружающую действительность есть уже вызов необходимости. Природной и социальной необходимости человек противопоставляет многовариантность своей судьбы, выходящей за рамки банальных, наиболее вероятных, накатанных жизненных сюжетов. Многовариантность будущего противостоит однозначности, линейной необходимости настоящего. Нелинейная необходимость, плутающая в лабиринтах неопределенности человеческой жизни, проявляется в веере возможностей, потенциально содержащих в себе элементы человеческой судьбы, в том числе и возможностей, позволяющих человеку выходить за рамки своей наличной данности.

¹⁶ Кисилев, Г. С. Свобода и эволюция // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 3–15.

Ф. Шеллинг и Э. Фромм сформулировали в обобщенном виде тезис, что бытие как таковое не имеет ценности, что для выживания человека необходимо, чтобы тот был больше, чем само бытие, обладая свободой действовать и не действовать. Человек способен на многое, но, чтобы не увязнуть в устоявшихся формах своей деятельности, он должен сохранять независимость по отношению к ней. Больше надо быть активным, что, по Фромму, значит постоянно обновляться, любить, трансцендировать за пределы собственного «я», не попадать под его власть.

Сегодня внутренняя несвобода проявляется в современных установках массового человека на самого себя, на свое благополучие, что изолирует его от другого человека, который интересен всего лишь как средство, как источник прибыли и материальных благ, а не канал, окно в иные сущностные, духовно богатые формы бытия, хотя расхожая идеология всегда призывает к гуманизму, взаимопомощи и милосердию. Однобокость такой «свободы» оборачивается несвободой от самого себя, от отдельных проявлений человеческой природы, слишком жестко привязанных к общественной психологии и массовым экономическим и духовным процессам. Каждая попытка выйти за рамки самого себя, за рамки массовых стереотипов, запечатленных в самом себе, утвердить самое небольшое отклонение от них может рассматриваться как потуги свободы реализоваться через случайность существования каждого человека и посредством полученного прообраза самосозидающего мира избежать «нерушимой судьбы бытия»¹⁷.

Не правомерно сводить сущность человека к какому-то аморфному бесструктурному образованию. Но стремление выйти за рамки собственной определенности выражает инстинкт свободы, которой не может быть без чувства и осознания собственной ограниченности. Конструктивное соотношение хаоса и порядка, определенности и неопределенности, упругость границ собственного «я», имеет свои пропорции, позволяющие индивидууму сохранять свою целостность, находиться в движении, в состоянии непрерывного становления, созвучного тенденциям универсума. Граница, с одной стороны, разъединяет, а с другой – объединяет, способствует формированию нового. Свобода существует в «пограничной зоне», где

¹⁷ Weiter, W. Strukturen menschlichen Existenz // Grenzen heutigen Philosophierens. – Schöningh: Ferdinand Paderborn, 1977. – S. 455.

явно выражается неравновесный, флуктуирующий характер свободлюбивой личности, пытающейся раздвинуть, растянуть границы собственного мира, поскольку они достаточно пластичны. Жесткие границы имеют только вещи, не обладающие свободой. Следовательно, свобода вынуждает не только искать и утверждать свою личность, но и находиться на границе «я» и «не-я», сохраняя относительную целостность себя как личности, но постоянно нарушать эти границы, в меру их проницаемости.

Самоорганизация бытия человека осуществляется на беспрецедентной основе – его свободе, пронизанной сознанием, волей, а также игрой чувств, воздействующими часто на решение человека решающим образом. Свобода позволяет человеку, с одной стороны, не быть марионеткой объективной необходимости, но, с другой – не предоставляет ему абсолютной вседозволенности в преобразовании природы. Человек вынужден быть ее учеником и гармонизировать свое бытие по законам универсального миропорядка. В неравновесном, нестабильном мире свобода человека является мощным источником флуктуаций, способных воплотиться в беспрецедентные формы и феномены материальной и духовной действительности, способных не только поднять его на ошеломляющие высоты, но и включить программу самоликвидации. В поисках путей самосохранения необходимо мировоззренческое возвышение человеческих целей и смыслов до уровня смыслов универсума, чтобы человек мог рационально-практически и духовно-нравственно опереться на ясное понимание системной взаимозависимости законов самоорганизации в природе, социуме, культуре, развитии психической сферы. Сама же свобода должна пониматься не как источник власти над миром, а как сила, обязывающая к внутреннему возвышению человека, стремящегося восстановить внутреннюю связь с реальностью, с универсумом. Свобода предоставляет человеку различные пути, в том числе и альтернативные. Она дает ему возможность, преодолев издержки безоглядного развития, вернуться к тем основам бытия, которые отвечают его изначальной подлинной сущности микроуниверсума.

Ситуация неопределенности, рефлексия и выбор самого себя есть имманентные условия свободы человека. Проблемное существование и есть подлинно свободное существование. Решая одни проблемы и стремясь уменьшить неопределенность, человек только множит их, но одновременно и расширяя сферу выбора возмож-

ностей. Ускользающие границы самоидентизации (действительно, человек – не предмет) держат субъекта в состоянии неудовлетворенности, зыбкости достигнутого равновесия, и это надо принять за норму. Свобода человека мыслится нами как его неотвратимый удел к бесконечному самоопределению, в процессе которого он раздвигает значения и смыслы мироздания, в которых он хочет себя обнаружить и утвердиться. Человек, вдруг определивший для себя окончательные смысловые контуры и значения, остается внутри них, хотя и имеется выход за их пределы. Но дорога к нему сопровождается тупиками и разочарованиями: принципиальная неопределенность образа человека, его сущностных границ есть и онтологический источник его свободы, и его крест.

Синергетика способна на поиск оснований единства мира в свободе как главного условия встраивания в универсум человека путем преодоления разрыва между бытием и становлением, сущностью и существованием, природным и трансцендентным. Она инициирует поиски онтологических оснований свободы, на которых зиждется и развивается древо свободной деятельности человека и его духа. Будущее неопределенно, и остается лишь верить, «что сама жизнь, полная зла, каким-то внутренним процессом самоочищения, самопреодоления, с помощью сил, растущих из нее самой, спасет себя, что мировая бессмыслица в лице человека победит сама себя и насадит в себе царство истины и смысла», – писал С. Л. Франк¹⁸.

Синергетика дает надежду на будущее и призывает прилагать ответственные усилия для оправдания этих надежд, поскольку эволюция, продуцируя неопределенность, альтернативность будущего, несет в себе некую справедливость, готовность поддержать общезначимые для универсума и человека усилия и отвергнуть его бездумные, эгоцентристские устремления.

¹⁸ Франк, С. Л. Крушение кумиров. – С. 79.